

подобную горноблагодатской»¹; к. *Георгиевский* – «...на камне была поставлена часовня, где, по преданию, явилась икона святого Георгия»²; к. *Дужной* – «состоит из дугообразных слоев»³; р. *Серебрянка* – получила название «...от серебристой прозрачности воды»⁴; к. *Узенький* – «У бойца Узенького с одной стороны в реку вдается скала, с другой – мыс, и они так близко подходят друг к другу, что река в этом месте чрезвычайно узка»⁵; г. *Колпаки* – «Название Колпаки имеет свои основания: издали гора производит впечатление отдельных столбов, покрытых сверху какими-то шапками, действительно напоминающими колпаки»⁶.

Приведенные факты еще раз подтверждают, что любое топонимическое исследование невозможно без привлечения исторических данных. Они представляют ценность не только для этимологической и ономазиологической интерпретации отдельных топонимов, но и для выявления тенденций развития топонимической системы региона.

Т.Н.Дмитриева
Уральский университет

Мифы и реальность в топонимических легендах казымских ханты⁷

Топонимические легенды являются ценным источником сведений по истории и культуре ханты. Легенды могут иметь реальную основу, сохраняя память о действительных событиях, имевших место в истории народа в далеком прошлом, причем нередко историческая реальность представлена в преломлении через призму мифологии и фольклора. Легенды, связанные с одним из мест в среднем течении реки Казым, могут быть тому примером.

Это яр на левом берегу Казыма, ниже устья Хуллорской протоки, очень красивая холмистая местность с чистым сосновым бором. Ханты называют его *śõpər nɛ sãñxət* – «Яр женщины Сюпар». Место считается священным. К стоящей в бору священной сосне разрешается ходить

¹ *Рогов Я.* Геогностическое описание дачи Билимбаевского завода. С. 41.

² *Меллер В.* Геологическое описание Ильинской и Уткинской казенных дач на Урале... С.171.

³ *Рагозин В.* Волга. С. 302.

⁴ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. С. 219.

⁵ *Рагозин В.* Волга. С. 302.

⁶ *Семенов-Тяньшанский В.П.* Россия: Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. 5: Урал и Приуралье. С. 395.

⁷ Работа выполнялась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 98-04-06072а).

только мужчинам. У сосны едят, пьют, оставляют угощение – бескровную жертву – богу. Здесь не ночуют.

По поверьям хантов, в бору обитает лесная женщина – хозяйка, охранительница данной местности. Описывая женщину Сюпар, ханты говорят, что она «лесная какая-то», «как леший», «колдунья», «русалка», «сибирячка», «баба снежная» (по аналогии со «снежным человеком»), «сказочное существо». Одна нога у нее человеческая, другая лосиная (варианты: обе ноги лосиные; одна нога лосиная, другая медвежья).

Нам удалось записать два варианта фольклорного сюжета о встрече этой лесной женщины с охотником (охотниками). Она просит взять ее в жены, обещает удачу на охоте, предлагает сундук (ларчик) с одеждой. Он (они) откажутся. Тогда она предсказывает ему (им) несчастье, которое сбывается.

1. *Захаров Д.П. 1989, с. Казым:*

Баба жила снежная какой-то там, и сейчас, говорят, живет.

Из Мозям мужики ездил к богу в Хуллорскую протоку и обратно ехали. Она к ним в лодку просится. Встала – правая нога медвежья, левая лосиная. Они не взяли. – Меня не взяли, хоть сундук возьмите, в сундуке одежда. – Нам не надо. – Ну ладно, пусть вас встречают в Мозямах, и вы умрете.

Так и вышло, и умерли взаправду. Снежная, она и сейчас живет.

2. *Тарлин Т.Г. 1989, с. Казым:*

Охотник на сплаве едет с добычей. Проезжая, видит: красавица стоит на яру.

– Добрый человек, возьми меня в жены. – У меня дома своя жена, дети. – А все-таки, может, передумаешь?

Она на берег сходит, ноги-то не людские, а [лосиные] копыта. – Нет, – говорит охотник, ты мне лодку продавишь. – Ну ладно, возьми хоть ларчик.

Подумал [охотник]: Зачем твой ларчик, я и сам удачник, всё найду – и зверя, и птицу, и пушнины.

– Мне не надо. – Ну ладно, я тебе хотела во вторые жены для удачи. Посмотришь, что дальше тебе будет, увидишь.

Весь род его потом вымер. Она русалка вроде была.

Почти дословно то же повторяется в песне, записанной в 20-е гг. Г. Старцевым от ханты М.А. Лоншакова¹. По Старцеву, это одна из многих песен, исполняемых хантами во время жертвоприношения, она «поется в честь лесной богини, посылающей остякам удачу на охоте» и «составляет отрывок из длинной песни, посвященной шайтану и медведю» [Старцев 1928, 117–118]. Приведем фрагмент из этой песни:

Далеко выдавшийся речки мыс...
Вот он виден.
Дочь лесного, дочь лесного бога
Вот она стоит.

¹ Фамилия Лоншаков известна у среднеобских ханты. По данным конца XVIII–XIX вв. фиксируется в Нарыкарских юртах Чемашевской вол. и в Алешинских юртах Естыльской вол. [Соколова 1983, 200, 202]. По материалам В.Штейница 30-х гг. Михаил Лоншаков – житель села Березово. См. [DEWOS, 1715].

Одна нога – лосяная,
Другая – человечья.
– Вы, за зверем ездившие, двое,
Возьмите меня, королеву лесных зверей,
Я счастливая!
– Нет, не возьмем!
Лодку насквозь ты проступишь!
– Если не берете,
(Тогда) Когда выйдете на устье реки,
Там увидите протоку,
Как пузырь тетерки.
Когда выйдете на середину протоки,
Тогда с западной стороны
Поднимется туча,
Как воронья печень, –
Черная туча с вихрем,
Молнией поднимется.
Дно лодки вверх перевернет,
Тогда вашим песням и рассказам конец.

[Старцев 1928, 117–118].

По-видимому, история о встрече охотников с лесной женщиной хорошо известна в фольклоре северных обских утров. В материалах В. Штейница среди текстов, записанных им в 30-е гг. у шеркальских ханты, это текст № 40: драматическое представление «Три охотника и женщина Миш» [Steinitz OA I, 1975, 408–415]. Ср. с текстами, приведенными выше:

На весеннюю охоту едушие три мужика
Мы едем...
По маленькой реке с устьем...
Мы едем...
Если поднимается зверь, плывущий в воде,
Стрелой достаем...
На песчаном холме, белом, как небесный снег,
Она стоит.
Дарящая удачу в ловле рыбы *Миш* женщина,
Она стоит,
Дарящая удачу на охоте женщина.
Зубастым ртом с десятью зубами
Она поет,
Зубастым ртом с двадцатью зубами
Она поет:
«На весеннюю охоту едушие три мужика,
Для удачи в рыбной ловле
Меня посадите [в вашу лодку],
Для удачи в охоте
Меня посадите [в вашу лодку]!»!
«Что нам с тобой делать?
У нас женщины с удачей на охоте, на рыбалке
Дома есть!
Одна твоя нога – лосяная нога,

Одна твоя рука – лосиная рука,
Маленькую лодку с четырьмя поперечинами
Ты ногой пробьешь!»
По маленькой реке ...
Гребем дальше.
Если поднимается зверь, плывущий в воде,
Стрелой достаем...
Снова белый, как небесный снег, холм...
Там женщина стоит...

[Все то же повторяется во 2-й и в 3-й раз. Она говорит:]

«На весеннюю охоту едущие три мужика,
Послушайте:
Как на середину сора подъезжаете,
На широкий сор, круглый,
Как зоб глухаря,
На середину сора как подъезжаете,
Круглую, как зоб утки,
Маленькое облако, как чешуя сырка,
Пусть придет,
Как будто к небу прилипает,
Божественный большой туман пускай дует,
Дно вашей лодки
Пускай вверх повернется,
Ваши сказки пусть там кончатся,
Ваши песни пусть там кончатся»...

(перевод Е. Шмидт. 1998, г. Белоярский)

Существуют и другие варианты трактовки образа женщины Сюпар – *šõpär nɛ* (также *tšõpär nɛ*, *šĩpär nɛ*), связанные с героическим эпосом народа ханты: говорят, что она *не лесная, обыкновенный человек, но героиня какая-то или вождь племени*. Эти люди жили в землянках. Когда-то была война, это племя отступало, и, чтобы не сдаваться в плен, они скатились в реку, и там *камни торчат на дне, когда мелко, – говорят, их головы* (Сенгепов А.М. 1992, Казым). Иногда считают, что на хантов *налетели татары* и здесь их побили, но девушка (*šõpär nɛ*) убежала *от татар* и превратилась в сосну (Лозямов А.Н. 1993, с. Казым).

В хантыйском фольклоре она выступает как мать медведя. Так, среди текстов, записанных в 1844 г. Анталом Регули у ляпинского остяка (ханты) Максима Никилова в селении Хорумпаул, есть медвежья песня о происхождении первого медведя «Песня моей матери *šõpär*». Культ женщины *šõpär- / kami-* и частое упоминание о ней как о матери медведя характерны для юго-западных групп обских угров; на севере

возможно сопоставление *śopər / kami* ~ женщина *mōś* ~ богиня *Kaltesh'* = Калтац [см.: Schmidt 1989: 195, 196, 210]¹.

Вместе с тем в записанной Регули от того же певца хантыйской героической песни Ворт-ар «Песня богатыря» («Золотого богатыря», «За миром наблюдающего человека» – одного из самых почитаемых божеств обских угров) определение *śovər* встречается и в обозначении русской женщины – жены этого героя: «белый-платок-надевшая-*nai*-многолюдная-*śovər-nai* моя жена» (строка 217), «с головой-в платке-многолодного-русского человека-маленькая-*nai* моя жена» (строка 219) [см.: Reguly – Pápai – Zsirai 1963 III, 1, 42–43. Перевод исправлен по В. Штейницу – DEWOS, 1483, 1465; Steinitz OA III, 87]². Эпитет «многолюдный» здесь передает, что русских людей очень много.

Значение казымского слова *śōpər*, как и других соответствующих форм по диалектам (из др.-хант. **t'apər*), неясно. По DEWOS – это фольклорное определение, слово непонятного значения, параллельное к *kām*, в сочетании с *wāy* и т.д. 'серебро' (ср. казым. фолькл. *śōpər wōχ kami wōχ* 'монета (как сокровище), также используемая как защита или звенящий предмет' – КТ, 914, DEWOS, 1529; шерк. фолькл. *śōpər kūwlər kūwləŋ oχšam* 'платок с *ś.*-бубенчиками' – DEWOS, 603–604)³.

Первоначально *śōpər*, возможно, собственное имя – этноним⁴. Оно фиксируется в целом ряде словосочетаний, как, например, казым. фолькл. *śōpər-jəχ* 'люди северной земли (*nīm mīw*) по ту сторону (т.е. западнее) Урала'; иртыш. *t'apar-jəχ* 'народ тьяпар', *t'apar-mīr* 'волость Нарым (на нижнем Иртыше);

¹ Ср. обозначение медведицы у иртышских ханты (юрты Каменские на Конде): *təpəmeŋ təjəŋ pəχ* (*ewə*) 'т.-женщина, родившая сына (дочь)' [КТ, 915; DEWOS, 1529]. Слово *təpər*, самостоятельно не употребляющееся, соответствует казымскому *śōpər* [См.: Bakró-Nagy 1979, 55–56]. Также у северных манси: *śāpər₂* ~ *śopər* 'название рода'; – *ś.-ūs* 'название города на Иртыше'. – *ś.-nāj, kami-nāj ājkw* 'мифологическая фигура'. – пельым. *śāpər-nai-pj̄* ~ *śāpər-nai-pj̄* ~ *kāmēŋ-nai-pj̄*, конд. *śopər-nē, kəpər-nē* ~ *śāpər-nē, kəpər-nē pōi* 'медведь (сын *ś.*-женщины, *k.*-женщины)' [МК, 600].

² Автор выражает глубокую признательность Еве Шмидт, руководителю Белоярского фольклорного архива северных ханты, за ценные консультации и помощь в работе над хантыйскими текстами.

³ У манси тоже: с.-манс. *śopər₃* ~ *śāpər* 'чистый, тонкий'. – *ś. āln* ~ *ś. voχ* 'чистое серебро, серебряная монета' [МК, 600]. – *śopər / kami oləŋ noχləŋ mā* 'земля с подпорой из серебра *śopər / kami*': песенное название юрт Новнинских (?) на средней Оби, но так может называться любое святое место [Schmidt 1983, 358].

⁴ Ср. уже приведенное выше с.-манс. *śāpər₂* ~ *śopər* 'название рода' [МК, 600].

с.-хант. *śavər moŋ* 'область между Обдорском и Мужи до Урала', казым. (в песнях) *śōpər mūw*, *peŋ'śər mūw* и др. [см. DEWOS, 1528–1529].

В казымском фольклоре встречается также словосочетание *śīpər mūw*, которое современный исполнитель медвежьих песен Т.Н. Тарлин осмысляет как «наша земля, сибирская земля»¹, а именем *śīpər jəχ* 'сибирский народ' казымские ханты называют себя во время медвежьего праздника (полевые материалы 1992 г., Юульск).

По сведениям Т.А. Молдановой, слово *сюпар* у казымских хантов в настоящее время применяется как параллелизм к *емау* 'священный' в эпитете березы (она считается деревом людей *мось*): *емау юх, сюпар юх* 'священное дерево'. «Однако при этом слово *сюпар* обычно встречается в словосочетаниях *сюпар мув* 'земля *сюпар*', *сюпар ёх* 'люди *сюпар*'. Ссылаясь на В.Н.Чернецова [Чернецов 1946, 153], автор возводит рассматриваемую лексему к этнониму «*сёныр–сипыр–тяпыр*» [см.: Молданова 1999, 33]

В.Н. Чернецов отмечал, что в фольклоре хантов и манси, а также в названиях родов, фамилий и в топонимике встречается имя *сипыр* (*śipər*), *сёпыр*, *супыр*, *супра* (манс.), *себар* (*śebar*), *сопра*, *шабер* (хант.). В том числе в ряде песен территория обитания хантов и манси именуется как *Луи вот асирм Сипыр махум унлын ма* «Северного ветра холодного Сипыр народом населенная земля»², а слово *сипыр* известно как синоним имени манси – вогул. Известны названия родов «*сопра*» – *Собрини* близ Салехарда, *Сёпыр* близ Березова. *Сипыр* (*сёпыр*, *шапыр*, *шабыр*) выступает как имя прародительницы фратрии *мош*, *монть* – одной из двух угорских фратрий; имя *Супра*, *Сопра*, *Сёпра* очень часто встречается как название селений, речек и урочищ по всему нижнему Обь-Иртышью (Чернецов 1953, 238–239).

Казымский топоним *śōpər ne śāŋχət* попадает в этот ряд сибирских названий и, как и они, связан с древним именем – этнонимом, который, вероятно, имеет отношение к названию народа сывыр или сибыр,

¹ Очевидно, то же у Карьялайнена (в отдельной словарной статье): казым. *śīpər mūw* «по словам информанта, страна проживания "остяков" и самосдов, но местонахождение этой страны неясно, царь так называет их страну, объединил под этим именем всю известную ему область» (КТ, 914).

² В записанной В.Н.Чернецовым мансийской сказке («Ворона») также фигурирует «Народом Сибир населенная Северного ветра холодная земля». В примечаниях к тексту автор поясняет, что народ Сибир упоминается в сказках и преданиях как некогда населявший Приобский край. Его название сохранилось в названии Сибирь [Чернецов (1936) 1997, 51, 128].

сильр, савыр, жившего, по легендам сибирских татар, до их прихода на их территориях по среднему и нижнему Иртышу. Предполагают, что это были древнеугорские племена, с I тыс. до н. э. принимавшие участие в формировании этнических групп обских угров, слившись с аборигенами лесной зоны Нижнего Приобья и Прииртышья [Чернецов 1953, 238–241; Соколова 1983, 118; Молодин 1994, 128–130; Он же 1995, 11].

Топоним Сибирь также восходит к названию этнической (угорской?) группы *сильр, себер, сибыр* или *савир* [Аникин, 513].

Современный казымский материал показывает, что древний этноним *šōpār* (*сюпар*), связываемый с определенной сакральной семантикой и употребляемый в составе этнонимических словосочетаний, сохраняется у казымских ханты и как фольклорно-мифологическое имя хозяйки священного места, имя одного из лесных духов-охранителей, которые, по словам жителей Казыма, «*живут в каждом бугорке*». Это имя не связывают с образом матери-прародительницы или матери медведя, но медвежья нога Женщины Сюпар в данном контексте, возможно, вовсе не случайная деталь.

Интересен также сюжет и примечательно название у песни, исполнявшейся в 1992 г. на медвежьих игрищах в селе Полноват: *Сюпар най анкие* «Матушка-женщина *Сюпар-най*», в которой поется, что женщина из рода Сюпар (Себуровы)¹ живет с двумя сыновьями. Ее дети – удачливые охотники, добывают они и медведей. Однако их мать не соблюдает традиции при обращении с медведем, бросает его кости куда попало. Медведь возмущен этим и решается отомстить. Когда сыновья женщины находят его берлогу, он нападает на охотников и снимает с них скальпы [см.: Молданов 1999, 44–45].

Что касается определения *šīpār* в *šīpār tūw* «сибирская земля» и в имени *šīpār ne* – «сибирячка», то оно может быть сохранившимся вариантом древнего этнонима (ср. у манси), если не появилось в результате прямой ассоциации с топонимом Сибирь.

Легенды героического характера о «сибирячке» – женщине *šōpār ne* или *šīpār ne* содержат традиционные элементы фольклорных сюжетов о войнах предков современных ханты, но истоки этих легенд уходят в реальное историческое прошлое хантыйского народа.

¹ В примечаниях Т.А. Молданова к этой песне говорится, что Сюпар – согласно преданиям, земля, на которой живут люди Сюпар. От этого названия произошла фамилия Себуровы (Молданов 1999, 130). Себуровы – фамилия жителей д. Тугияны, известная с XVIII в. По данным З.П. Соколовой, это представители фратрии пор (Соколова 1983, 180). Как известно, люди этнической экзогамной группы пор считают своим предком-покровителем медведя.